

На правах рукописи

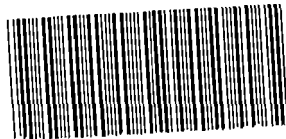
ЛЕБЕДЕВ ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ПОЛИТИЗАЦИИ ИСЛАМА
НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И РЕСПУБЛИКИ
ДАГЕСТАН**

**Специальность 23.00.02 –
политические институты, процессы и технологии**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук**

27 АПР 2016

006648635

Москва 2016

Работа выполнена на кафедре политологии и политического управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кубанский государственный университет».

Научный руководитель:

ЮРЧЕНКО Виктор Михайлович.

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кубанский государственный университет»

Официальные оппоненты:

МИТРОФАНОВА Анастасия Владимировна

доктор политических наук, профессор кафедры общей политологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

ЯРЛЫКАПОВ Ахмет Аминович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук»

Защита состоится «24» мая 2016 года в 14:00 на базе диссертационного совета Д 212.203.20 при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198 г. Москва ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп.2, ауд. 415.

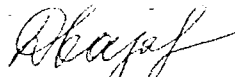
Диссертация и автореферат размещены:

1. На сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации www.vak.ed.gov.ru
2. На сайте Российского университета дружбы народов: <http://dissovet.rudn.ru>
3. В информационно-научном библиотечном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов по адресу: 117198 г. Москва ул. Миклухо-Маклая д.б.

Автореферат разослан 5 апреля 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

кандидат политических наук

Д.Б. Казаринова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Одним из наиболее сложных феноменов, ставших объектом пристального внимания политиков, СМИ и научного сообщества, стало возвращение религии в политическую повестку дня, начавшееся во второй половине XX века. И если события исламской революции в Иране могли истолковываться как сбой, ошибка в процессе модернизации, неизбежно распространяющейся на весь мир, то возврат религии в публичное пространство в самих западных странах (в виде проблем миграции, дебатов о ношении хиджаба в государственных учреждениях и т.д.), которые никто не решится назвать несовершенными, заставил научное сообщество переосмыслить подходы к роли религиозных организаций в политике и будущему религии в целом. Политологические и социологические теории о том, что по мере развития науки религия будет исчезать, а веберовский процесс «расколдовывания мира» не оставит для нее места, ввиду появления нового эмпирического материала, подверглись и продолжают подвергаться пересмотру.

Распространяющаяся поликультурность обществ приводит к тому, что государства все чаще вовлекаются в процесс управления религиозными организациями. Такое положение дел, при котором казалось исчезнувшая религия вновь вторгается в сферу политического, является значимым теоретическим вызовом для политической науки. Повсеместная политизация религии становится частью политических дискуссий в парламентах, приводит в некоторых странах к таким негативным явлениям как терроризм и рост религиозно-мотивированного насилия.

Пожалуй, наибольший интерес для научного сообщества сегодня представляет проблема политизации именно ислама, вследствие процессов, происходящих в мусульманском мире: росте религиозного радикализма, политических трансформациях на Ближнем Востоке и исламистского терроризма. Разрешение этих проблем вряд ли может быть возможным без адекватного теоретического осмысления того, что представляет из себя политизация ислама сегодня: попытку возврата в некое мифологизированное «прошлое» или же построение альтернативного «настоящего», оперируя категориями теории множественных современностей Шмуэля Эйзенштадта.

Таким образом, проблема изучения политизации ислама приобретает не только важное теоретическое, но и практическое значение. В свою очередь полноценное изучение политизации ислама невозможно без сравнительных исследований, которые бы дали нам больше информации о происходящих процессах.

Взаимодействие ислама и политики – проблема не только Ближнего Востока или европейских государств, пытающихся содействовать адаптации мигрантов из мусульманских стран. В России также существует практическая потребность в исследовании политизации ислама, ввиду необходимости

мирного сосуществования российских граждан исповедующих как ислам и христианство, так и иные религии. Особую значимость исследования влияния ислама в сфере политики приобретают в контексте процессов развивающихся на Северном Кавказе в начале XXI века: распространении исламизма, росте влияния на социальную жизнь исламских религиозных организаций, а также эскалации религиозно-политических конфликтов. При этом, по мнению диссертанта, было бы неправильно сводить взаимодействие ислама и политики только к сфере насилия, однако это лишь актуализирует необходимость более тщательного анализа происходящих в республиках Северного Кавказа событий. Наиболее исламизированными субъектами СКФО сегодня являются Чеченская Республика и Республика Дагестан, что и обусловило их выбор в качестве объектов изучения.

Степень научной разработанности проблемы. Среди аспектов изучаемой научной проблемы, базовым необходимо можно считать вопрос о природе политического и понимании феномена политизации. Эта тема освещалась в трудах таких исследователей, как К. Шмитт, М. Хоркхаймер, Х. Арендт, Ш. Муфф, М. Данилов, С. Патрушев¹.

При осмыслении феномена религии были рассмотрены труды таких ученых, как Э. Дюркгейм, М. Элиаде, К. Гирц, Д. Узланер, Р. Старк и Р. Финке². Важным аспектом исследуемой темы является также понимание процесса секуляризации. Данная концепция была разработана в трудах К. Маркса, П. Бергера, Т. Лукмана, Б. Уилсона, К. Дobbелера, Ч. Тейлора³.

Однако понимание процессов, протекающих в ситуации возвращения религии в политику невозможно без использования социологических и

¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1; Хоркхаймер М., Адорно Т. Дialeктика просвещения / Пер. с нем. М.М. Кузнецова. М., 1997; Arendt H. *Between Past and Future*. Penguin Books, 1993; Mouffe C. *The Democratic Paradox*. London. 2000; Данилов М.В. Проблема политизации социальных отношений в теориях информационного общества // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. Социология. Политология, вып. 3; Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. М. 2013.

² Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм, сост. и общ. ред. А.Н. Красникова // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М. 1998.; Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Издательство МГУ, 1994.; Гирц К. Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004. Узланер Д. От секулярной современности к множественной: социальная теория о соотношении религии и современности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. №3.; Он же. Расколдовывание дискурса: «религиозное» и «светское» в языке нового времени // Логос. 2008.; Stark R., Finke R. *Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion*. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 2000.

³ Маркс К. Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т.3. М. 1955.; Berger P.L. *The social reality of religion*. - Harmondsworth: Penguin, 1973; Luckmann Th. *The invisible religion: the problem of religion in modern society*. London. 1970.; Wilson B. *Religion in secular society: sociological comment*. L. C.A. Watts & Co. 1966.; Dobbelaere K. *Towards an Integrated Perspective of the Processes Related to the Descriptive Concept of Secularization* // *Sociology of Religion*. — Vol. 60. 1999.; Taylor Ch. *Secular Age*. Cambridge, MA & London: Belknap Press of Harvard University Press, 2007.

политологических подходов, базирующихся на критике и переосмыслении теории секуляризации. В контексте данной научной проблемы необходимо упомянуть труды таких исследователей, как П. Бергер (ставший критиком собственной теории), Р. Старк, Р. Финке, Х. Казанова, Э. Ван дер Зверде⁴. Постсекулярность, как специфичное состояние общества, в котором устанавливаются новые постсекулярные правила взаимодействия религии и политики, исследуется такими представителями социальной и политической науки, как Ю. Хабермас, Ч. Тейлор, Б. Тернер. Т. Асад, Д. Узланер, Ю. Почта, М. Мчедлова⁵. Особенно важной для целей исследования диссертации представляется концепция постсекулярных гибридов Талала Асада, позволяющая по-новому взглянуть на процессы, протекающие на Северном Кавказе.

Политизация религии, как социокультурный феномен, обычно приводит к появлению религиозно-политической идеологии или политической религии, как комплекса идей о «правильной» политической практике, вытекающих из той или иной религиозной доктрины. В данной работе феномен религиозно-политической идеологии рассматривается с учетом позиции таких авторов, как П. Ван дер Веер, С. Семедов, А. Митрофанова, И. Кудряшова⁶.

Отдельно следует сказать о значимости для данного исследования работ, посвященных теории государственно-конфессиональных отношений. Осмыслению и классификации форм государственно-конфессиональных отношений посвящены работы таких исследователей, как М. Моммен, С.

⁴ Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012, №2; Stark R., Finke R. *Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion*. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 2000.; Casanova J. *Public religion in the Modern World*. Chicago University of Chicago Press, 1994; Зверде Ван дер Э. Осмысливая «секулярность» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012, №2.

⁵ Хабермас. Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мир-обществе. // Полис. Политические исследования. — 2010. — №2.; Taylor Ch. *Secular Age*. Cambridge, MA & London: Belknap Press of Harvard University Press, 2007.; Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012, №2; Asad T. *Formations of the secular: Christianity, Islam, Modernity*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2003; Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // Логос. 2011. №3.; Почта Ю.М. Постсекулярное общество // Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы // Под общ. ред. П.К.Гречко, Е.М.Курмелевой. - Москва: РОССПЭН, 2009.; Мчедлова М.М. Возвращение религии или Новый мир: в поисках объяснения // Политическая наука. 2013, №2.

⁶ Van der Veer P. *Political Religion in the Twenty-first Century // International Order and the Future of World Politics*. Ed.by T.V.Paul, J.A.Hall. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.; Семедов С. А Политический ислам в современном мире. Авт. дис. док. фил. наук: 09.00.13: — М., 2009.; Митрофанова А.В. Политизация православного мира. М. 2004. Кудряшова И. В. Как изучать взаимодействие религии и политики // Политическая наука. 2013. №2, Она же. Фундаментализм и «фундаментализм» // Политическая наука. 2013. №4.

Джораева, И. Понкин, М. Одинцов, А. Григоренко, Ж. Таранюк, М Шахов и М. Шутова⁷.

Анализу процессов политизации ислама и развития исламской религиозно-политической идеологии посвящены труды таких отечественных и зарубежных специалистов, как: У. Уотт, П. Ван дер Веер, Дж. Эспозито, Э. Байлоуни, Ж. Кепель, И. Кудряшова, Ю. Почта, О. Карпачева, Д. Мальшева, А. Игнатенко, А. Малашенко, И. Добаев, В. Волков, Р. Эммануилов, А. Яшлавский, В. Наумкин, С. Семедов⁸. Данные исследователи раскрывают такие темы, как становление исламизма в качестве религиозно-политической идеологии, его развитие в трудах основных идеологов, наличие религиозных предпосылок для политизации в самом исламе. В вышеуказанных работах также исследуется опыт практического становления исламистских организаций и проблема типологии внутренних течений в политическом исламе.

⁷ Momen M. *The Phenomenon of religion. A thematic approach.* Oxford oneworld. 1999.; Джораева С.В. Государственно-церковные отношения в России (опыт философско-исторического анализа). – М., 1997.; Понкин И. В. Светскость государства. – М.: Издательство Учебно-научного центра довузовского образования, 2004.; Одинцов М.И. Двадцатый век в российской истории: государство и религиозные организации // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе. Материалы международной конференции. – М., 2000.; Григоренко А.Ю. Церковно-государственные отношения в современной России и проблема религиозной свободы и нетерпимости // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе. Материалы международной конференции. – М., 2000.; Таранюк Ж. П. Религия и политика: трансформация институциональных форм взаимодействия. Дис. канд. полит. наук: 23.00.02: — М., 2013.; Шахов М. О., Шутова О.С. Государственно-конфессиональные отношения: анализ типологий и силовая модель // *Полития*. 2003. №3

⁸ Watt W.M. *Muhammad: Prophet and Statesman.* – Oxford: Oxsford Univ. Press, 1974.; Ван дер Веер П. Политическая религия в XXI веке. 2010. Режим доступа: <http://idmedina.ru/books/islamic/?2132> (дата посещения 20.10.2014.); Esposito J. *Islamic Threat: myth or reality?* New-York. 1992.; Байлоуни Э. М. Эмоции, бедность или политика? Неправильные представления об исламистских движениях // *Взаимосвязи*. 2004. Т.3 №1.; Кепель Ж. *Джихад. Экспансия и закат исламизма.* М.: Ладомир. 2004.; Кудряшова И.В. *Фундаментализм и «фундаментализмы»* // *Политическая наука*. 2013. № 4.; Мальшева Д.Б. *Исламско-фундаменталистский проект в реалиях современного мира* // *МЭиМО*. 1999. №7.; Игнатенко А.А. *Ислам и политика: Сб. ст.* — М.: Институт религии и политики, 2004.; Малашенко А. *Исламская альтернатива и исламистский проект.* - М. 2006.; Добаев И.П. *Исламский радикализм: социально-философский анализ.* Ростов-на-Дону. 2002.; Волков В.В. *О природе исламского радикализма* // *Отечественные записки*. 2003. № 5.; Почта Ю. М., Оберемко Т. В. *Политическое значение исламского фундаментализма в эпоху постмодерна* // *Вестник РУДН. Серия: Политология*, 2014, №1.; Он же. *Мусульманский мир: роль института гражданского общества в процессе принудительной демократизации* // *Вестник РУДН. Серия: Политология*, 2012, №3.; Карпачева О.В. *История исламской оппозиции в Египте.* М. 2013.; Эммануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. *Террор во имя веры: религия и политической насилие.* М. 2011.; Наумкин В. *Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов* // *Восток*. 2006. №1.; Семедов С. *Исламский радикализм в современном мире: сущность и причины возникновения.* // *Социология власти*. 2009. №7.

Исследование исламского радикализма на Северном Кавказе сегодня является довольно популярным направлением в отечественной политологии. Данной проблемой занимаются такие исследователи, как: А. Малашенко, А. Авксентьев, И. Добаев, В. Немчина, А. Баутин, С. Суций, М. Зинченко⁹. Процессы политизации ислама в Дагестане исследуются Э. Кисриевым, А. Ярлыкаповым, К. Ханбабаевым, З. Аруховым, З. Абдулагатовым, Д. Макаровым, И. Стародубровской, Д. Соколовым, Г. Юсуповой, А. Мангаевым¹⁰. Роль исламского фактора в чеченском конфликте и развития религиозности в Чечне исследовалась в трудах В. Тишкова, В. Акаева, А. Саватеева, А. Осмаева, М. Назукиной, Е. Арляповой, М. Юсупова¹¹.

Однако необходимо отметить, что, несмотря на значительное количество литературы посвященной различным аспектам политизации

⁹ Малашенко А. В. Реальности и стереотипы восприятия ислама на Северном Кавказе. // Государственная служба. М. 2010. №2.; Он же. Малашенко А. В. Государство и Ислам в России // Исламоведение. 2014. №1.; Авксентьев В.А. Конфликтологические сценарии Юга России в контексте социокультурного развития региона // Обозреватель / Observer. 2012. № 7.; Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия Ростов н/Д., 2005.; Баутин А.А. Исламизм и проблемы исламского экстремизма на Северном Кавказе. <http://nofmo.ucoz.ru/publ/1-1-0-7> (Дата обращения: 12.05.2015); Суций С.Я. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа: Чечня, Ингушетия, Дагестан. – Ростов-на-Дону. 2010.; Зинченко М. С. Политизация ислама как фактор современного политического процесса. Дис. канд. полит. наук: 23.00.02: — М., 2009.

¹⁰ Кисриев Э.Ф. Ислам в Дагестане. М 2007.; Ярлыкапов А.А. Современный Дагестан: актуальные этнополитические и этноконфессиональные проблемы // Социодинамика. 2012, №3.; Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе / А. К. Алиев, З.С. Арухов, К.М. Ханбабаев; РЦЭИ ДНЦ РАН. – М.: Наука, 2007.; Абдулагатов З.М. Проблема умеренности в дагестанском салафизме. // Дагестанский социологический сборник-2011. ДНЦ, 2011.; Макаров Д. В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане М., 2000.; Истоки конфликтов на Северном Кавказе: монография / И.В. Стародубровская, Д.В. Соколов. - М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013.; Юсупова Г.И. Глобализация и трансформационные процессы в социально-политической сфере республик Северного Кавказа. М. 2007.; Мангаев А. А. «Ваххабизм» и политическая ситуация в Дагестане. Дис. канд. полит. наук: 23.00.02: — М., 2002.

¹¹ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). - М.: Наука. 2001.; Акаев, В. Х. История и специфика современного исламского возрождения в Чеченской республике // Центральная Азия и Кавказ. 2011. №3.; Он же. Исламское возрождение в Чеченской Республике. - Грозный.: Грозненский рабочий, 2011.; Саватеев, А.Д. Ислам и политика в Чеченской Республике // Общественные науки и современность. – 2000.; Осмаев А. Д. Религиозный фактор и борьба с терроризмом в Чеченской Республике // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности /Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009..; Назукина М. В. Исламские праздники как механизм конструирования региональной идентичности в России // Идентичность как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО РАН, 2011.; Арляпова Е.С. Ислам как источник легитимации и консолидации власти в Чеченской Республике // Политическая наука. 2012. №2.; Юсупов М. Ислам в социально-политической жизни Чечни // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2.

ислама на Кавказе, нельзя сделать вывод о том, что осмысление этого процесса перестало иметь значение. Во-первых, в большинстве работ, опубликованных по данной теме, рассматриваются историческая, хронологическая или социальная стороны проблемы, но применение современных социальных и политологических подходов, к сожалению встречается не так уж часто, например ни в одной работе не встречается релевантного применения концептов постсекулярности или постсекулярных гибридов. Во-вторых, количество сравнительных исследований политизации ислама в конкретных республиках СКФО крайне невелико, а существующие работы посвящены обычно какому-то одному аспекту политизации ислама, например исламскому терроризму. В качестве примера можно привести сравнительное исследование С. Суцего «Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа: Чечня, Ингушетия, Дагестан»¹².

Таким образом, исследования процессов политизации ислама на Северном Кавказе, и в частности в Чеченской Республике и Дагестане представляются актуальными и востребованными.

Объектом диссертационного исследования выступает процесс политизации ислама в Чеченской Республике и Республике Дагестан.

Предметом диссертационного исследования являются особенности проявления политизации ислама в Дагестане и Чеченской Республике.

Цель диссертационного исследования – с помощью сравнительного анализа выявить общее и особенное в моделях политизации ислама в Чечне и Дагестане.

Достижение поставленной цели требует разрешения следующих задач:

- дать релевантное определение понятия политизация религии;
- создать классификацию моделей политизации религии;
- разработать механизм сравнительного анализа моделей политизации религии;

– выявить сущностные черты и закономерности развития и исламской религиозно-политической идеологии, а также сформулировать подходы к ее исследованию;

– на основе разработанного механизма анализа выявить характерные черты политизации ислама в Чечне и Дагестане;

Гипотеза исследования: На территории Чечни и Дагестана реализуются разные модели политизации ислама, ввиду различия субъектов процесса политизации, и соответственно две эти модели дают различные результаты в политической практике.

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом постсоветского развития исследуемых регионов с 1991 по 2015 гг.

Теоретико-методологическая основа исследования. Данное диссертационное исследование опирается на ряд теоретических разработок зарубежных и российских ученых. Прежде всего, необходимо выделить блок

¹² Суцкий С.Я. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа: Чечня, Ингушетия, Дагестан. – Ростов-на-Дону, 2010.

теорий, которые касаются общего понимания природы политического и политизации. В этом вопросе исследование основано на концепции политического в ее интерпретации Шанталь Муфф. Для определения концепта «религии» в работе был использован подход, применявшийся в рамках интерпретативной антропологии Клиффорда Гирца. Данные, полученные в ходе исследования эмпирического материала, интерпретировались на основании взглядов на проблему секуляризации П. Бергера и концепции постсекулярности Ю. Хабермаса и Т. Асада. На основе данных теорий в частности делаются выводы о состоянии политизации ислама в Чечне и Дагестане, и формировании в рамках этих регионов собственных моделей постсекулярных гибридов. В ходе исследования применялись такие теоретические подходы, как конфликтологическая парадигма, критический дискурс-анализ Нормана Фэркло и теория дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, теория государственно-конфессиональных отношений, неинституциональный подход. Ключевым методом исследования является сравнительный анализ, базирующийся на разработанной в параграфе 1.2 методологии исследования проявлений политизации религии: в сфере дискурсивных практик политических лидеров, религиозных расколов и отношений органов власти и религиозных организаций. В ходе работы были использованы также такие методы как, анализ нормативно-правовых источников, конфликтологический анализ, дискурс-анализ, вторичный социологический анализ данных соц.опросов, глубинное экспертное интервью.

Эмпирическую базу исследования составляют:

1. Нормативно-правовые акты федерального уровня (Конституция Российской Федерации и Федеральный закон №125 «О свободе совести и религиозных организаций»).
2. Региональные нормативно-правовые акты (Конституция Чеченской Республики, Конституция Республики Дагестан, Закон Республики Дагестан от 16.01.98 № 5 «О свободе совести, свободе вероисповедования и религиозных организациях», Положение о Комитете по свободе совести, взаимодействию с религиозными организациями Республики Дагестан, Положение о департаменте по связям с религиозными и общественными организациями Администрации Главы и Правительства Чеченской Республики).
3. Данные полученные в ходе экспертных интервью представителей Духовного управления мусульман Чеченской Республики и Комитета по свободе совести, взаимодействию с религиозными организациями Республики Дагестан.
4. Тексты выступлений и интервью глав Чечни и Дагестана, посвященных религиозной тематике, за период 2013-2015 гг.
5. Данные социологических исследований, проведенных Дагестанским научным центром Российской Академии Наук, кафедрой социологии Дагестанского государственного университета и

исследователями С. Муслимовым, Д. Соколовым и И. Стародубровской.

6. Статистические данные о террористической активности на Северном Кавказе.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Осуществлено уточнение понятия «политизация религии», с использованием современных теоретических подходов как к проблеме концептуализации понятия «политического» и вытекающего из него концепта «политизация», так и к взаимодействию религиозной и политической сфер в современных обществах. В работе сделан вывод о допустимости рассмотрения политизации в качестве процесса, в ходе которого те или иные явления начинают рассматриваться как общезначимые, раскалывающие сообщество на противоборствующие группы и конституирующие проблемы, требующие единого решения. В ходе исследования была разработана классификация моделей политизации религии, на основе характеристик политизирующего религию субъекта, в котором предложено делать различие между «спонтанной политизацией», «политизацией сверху» и «политизацией снизу».

2. Предложен исследовательский механизм сравнительного анализа политизации религии, основанный на выявлении уровня политизированности в рамках трех индикаторов: степени религиозных расколов, дискурсивных практик политических лидеров и степени институционального взаимодействия органов власти и религиозной организации. Разработана система оценки степени политизации на уровне каждого из индикаторов.

3. Проанализированы существующие подходы к определению исламской религиозно-политической идеологии посредством таких терминов как: исламский фундаментализм, исламский радикализм, салафизм, ваххабизм, исламизм (политический ислам), с последующим подведением итогов относительно пригодности используемых категорий для сравнительного анализа политизации ислама в рамках изучаемых республик. В качестве наиболее подходящей для определения исламской религиозно-политической идеологии в рамках данного исследования была выбрана категория исламизм.

4. Выявлены формы политизации ислама в дискурсивных практиках политических лидеров Чечни и Дагестана: Рамзана Кадырова и Рамазана Абдулатипова. На основе используемых ими дискурсов, способов высказывания о собственных религиозных убеждениях, а также демонстрации своего образа были сделаны выводы о существенных различиях между данными политиками, что позволяет сделать заключение о большей политизации религии в сфере дискурсивных практик в Чеченской Республике.

5. Определены формы, значимые факторы и степень эскалации религиозно-политического конфликта в рамках исследуемых республик.

----- Сделан вывод, что в Дагестане основными сторонами конфликта в настоящий момент являются суфийские ордена, умеренные салафиты и радикальные салафиты, а также органы власти. В отличие от Дагестана, в современной Чеченской Республике умеренные салафиты отсутствуют в качестве субъекта существующего конфликта, поскольку их группы оказались лишены возможности участия в общественной жизни и в итоге были вытеснены за рамки публичного поля.

6. На основе анализа нормативно-правовой базы и данных, полученных в ходе экспертных интервью, проведен анализ степени институционального взаимодействия между духовными управлениями мусульман Чечни и Дагестана и соответствующими республиканскими органами власти, что позволило сделать выводы о типе реализуемых в этих государственно-конфессиональных отношениях. Продемонстрированы данные, свидетельствующие о большей степени институционализации отношений между органами власти Чечни и Духовным управлением мусульман Чеченской Республики, вплоть до формирования всеобъемлющей сети консультативных советов по принятию решений с участием представителей духовенства.

7. По итогам проведенного исследования сделан вывод о реализации в Дагестане и Чечне разных моделей политизации ислама, в проявлениях которых были выявлены существенные различия: для Чеченской Республики оказался характерен более высокий уровень политизации религии на базе таких индикаторов как дискурсивные практики и степень институционального взаимодействия между органами власти и духовным управлением мусульман республики.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Взаимодействие религии и политики в данной работе рассматривается, как взаимодействие религиозной и политической сфер, при котором политическим явлениям присваивается статус сакральных, а религиозным – политических. Те или иные явления становятся политическими постольку, поскольку начинают восприниматься как общезначимые, требующие всеобщего разрешения и раскалывающие сообщество на противоборствующие группы. В условиях постсекулярного общества религия начинает возвращаться в ранее секуляризованное публичное пространство, претендуя на участие в общественной жизни. Политизация религии в зависимости от характеристик субъекта политизирующего религию, может быть классифицирована на спонтанную и акторную. Акторная политизация может быть политизацией «сверху», когда в политизации религии оказываются заинтересованы политические элиты, и выступать в качестве политизации «снизу», когда религия политизируется под действием рядовых граждан и народных масс, а элиты лишь реагируют на происходящее.

2. Сравнительный анализ политизации религии подразумевает решение проблемы операционализации этого понятия. По мнению

диссертанта, политизацию религии можно наблюдать в сфере религиозно-политических размежеваний, где степень политизации религии выражается в степени эскалации конфликта. Кроме того в сфере дискурсивных практик политических лидеров: в данном случае степень политизации религии зависит от тех дискурсов, которые использует политик и от того, насколько интенсивно используется им религиозная риторика. И наконец, в сфере государственно-конфессиональных отношений, где степень политизации религии проявляется в интенсивности и объеме взаимодействия между религиозной организацией и органами власти. Сформированные в рамках исследования шкалы индикаторов политизации религии дают возможность получения более целостного представления об этом процессе, поскольку охватывает сразу несколько сфер проявления политизации.

3. Анализ существующих подходов к исследованию исламской религиозно-политической идеологии показал, что для целей данного исследования наиболее релевантным термином являются «ислаимзм». Это связано с тем, что иные альтернативы, встречающиеся в работах исследователей, либо чрезмерно политизированы («ваххабизм» и «неоваххабизм»), либо страдают размытостью («исламский фундаментализм»). Ислаимзм, как религиозно-политическая идеология непосредственно укоренен в исламе и связан с историей развития этой религии. Рассматривать ислаимзм как нечто не принадлежащее к пространству исламской религиозной мысли в связи с этим методологически неверно.

4. Рассмотрение дискурсивных практик лидеров Чечни и Дагестана в рамках сравнительного анализа моделей политизации ислама в этих республиках продемонстрировало существование значимых различий. Рамзан Абдулатипов не использует исламскую риторику в своих выступлениях для непосредственной легитимации политического порядка и проводимой им политики. В случаях, когда он артикулирует сообщения связанные с исламом, он склонен обращаться к религиозно-традиционалистскому, научному и светскому дискурсам. Рамзан Кадыров, напротив, использует ислам для легитимации своих собственных действий, пораздо более активно и последовательно выражая свою просуфийскую позицию. Основной корпус используемых им дискурсов сводится к религиозно-традиционалистскому, силовому и конспирологическому. Все это позволяет сделать вывод о реализации разных моделей политизации ислама в сфере публичных дискурсивных практик республиканских политических лидеров.

5. Религиозно-политические противостояния на территории Чеченской Республики и Дагестана необходимо рассматривать как проявления единого конфликта. В обеих республиках одинаковы субъекты данного конфликта: республиканские власти, суфийские братства и салафиты. В результате развития чеченского сепаратизма внутриисламский конфликт развивался более жестко, поскольку проходил на фоне

столкновения федеральных и республиканских вооруженных сил. Именно в период чеченских военных кампаний фактор зарубежной поддержки салафитов играл значимую роль. На сегодняшний день в чеченском сообществе умеренные салафиты не играют какой-либо роли в качестве актора конфликта. В настоящий момент, наиболее значимыми факторами радикализации салафитов (и эскалации конфликта соответственно) оказываются неэффективность политических институтов, социальная необустроенность республик и идеологическое давление со стороны террористов. В последние годы наблюдается снижение террористической активности в обеих республиках, однако уровень конфликтности остается все еще высоким.

6. Сравнение моделей государственно-конфессиональных отношений выявило больший уровень политизации ислама в этой сфере в Чеченской Республике. Анализ существующего законодательства и данные экспертных интервью позволяют сделать вывод о высокой степени институционального взаимодействия между Духовным управлением мусульман Чеченской Республики и республиканскими органами власти. В Чечне существует система взаимодействия между Духовным управлением мусульман Чечни, правоохранительными органами, учебными заведениями и администрацией, охватывающая муниципальный, районный и республиканский уровни. В Дагестане взаимодействие Духовного управления мусульман Дагестана и органов власти не носит столь систематический характер и осуществляется в рамках реализации различных республиканских программ по трем ключевым направлениям: образование, противодействие экстремизму и терроризму, пропаганда традиционных ценностей и патриотизма. Таким образом, в этих субъектах Российской Федерации реализуются разные сценарии институционализации взаимодействия ислама и сферы политического, и это привело к складыванию различных форм государственно-конфессиональных отношений.

7. Проведенный сравнительный анализ позволил подтвердить поставленную гипотезу, и сделать вывод о реализации на территории Чечни и Дагестана разных моделей политизации ислама, и как следствие – формировании различных постсекулярных гибридов. При этом для политизации сверху, реализуемой в Чеченской Республике, оказалась характерна большая политизация религии в сфере дискурса политических лидеров и государственно-конфессиональных отношений, при несколько большей эффективности в отношении идеологического противостояния радикальным салафитам. Однако данная модель несет вместе с собой риски по формированию социокультурного раскола между Чечней и остальными субъектами Российской Федерации (в особенности неисламскими), а также не вполне соответствует законодательству России и самой Чеченской Республики.

Теоретическая значимость диссертационного исследования.

Разработанная в рамках диссертационного исследования система понятий способствует совершенствованию категориального аппарата политической науки. Предложенная диссертантом классификация моделей политизации религии может быть применена в рамках других исследований, посвященных схожим научным проблемам, что будет способствовать накоплению эмпирического материала в рамках политологии религии, и даст возможность расширить пределы научного познания в данном вопросе.

Не менее значимой представляется разработанная методология сравнительного анализа моделей политизации религии, которая позволяет комбинировать разные методы исследования и охватывает большее число сфер проявления этой политизации. Если раньше исследования в этой области были связаны в основном с проблемой светскости государства, государственной политикой взаимодействия с религиозными организациями или изучением религиозно-политических конфликтов, то предлагаемая в диссертации методика позволяет шире взглянуть на взаимодействие политической и религиозной сфер, а значит получить более целостное представление о тех формах и моделях, которые оно может принимать.

Практическая значимость диссертационного исследования.

Сделанные в ходе исследования выводы и сформулированные рекомендации могут быть использованы органами государственной власти и местного самоуправления в создании комплексных стратегий и разработке отдельных мероприятий по снижению интенсивности и минимизации негативных последствий политизации ислама в Чечне и Дагестане. Материалы исследования также могут применяться в учебном процессе вузов и структур поствузовского образования в рамках дисциплин «Политология», «Политика и Религия», «Этнополитология», «Конфликтология» и др.

Апробация результатов исследования.

Основные положения диссертации изложены в докладах, сделанных в рамках Всероссийской научной конференции «Системный кризис на Северном Кавказе и государственная стратегия развития макрорегиона» (Ростов-на-Дону, Южный научный Центр РАН, 2011 г.), Международной научно-практической конференции «Политическая наука: состояние и перспективы развития в XXI веке (Кубанский государственный университет, Краснодар, 2011 г.), VIII и IX ежегодных научных конференциях студентов и аспирантов базовых кафедр Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону, Южный научный Центр РАН, 2012/13 гг.), III и IV Южно-Российских политологических конвентах (Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, 2013/14 гг.), VII Всероссийской ассамблеи молодых политологов (Пермь, ПГНИУ, 2014 г.), II Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов (Санкт-Петербург. СПбГУ, 2014 г.), региональной научно-практической конференции молодых ученых «Развитие социально-культурной сферы Юга России» (Краснодар. 2013/15 гг.), I научно-практической конференции «Власть и насилие в западных

обществах: проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения» (Москва НИУ ВШЭ, 2015 г.).

Результаты диссертационного исследования были использованы при реализации гранта РГНФ 15-21-12001 а (м) «Общее и особенное в социально-политическом развитии Абхазии, Адыгеи, Дагестана и Чечни постсоветского периода: сравнительно-исторический и документально-правовой анализ» 2015-2017 гг.

Основные положения и выводы диссертационного исследования были отражены в 13 публикациях, общим объемом 5 п.л. в т.ч. 4 статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК для опубликования итогов диссертационных исследований.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, включающих 6 параграфов, заключения и списка использованной литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается научная и практическая актуальность темы диссертационного исследования. Производится анализ степени изученности проблемы в отечественной и зарубежной науке. Формулируется объект и предмет, хронологические рамки работы, а также ее цель и задачи. Определена теоретическая и методологическая база диссертационного исследования. В этом разделе также обоснована научная новизна, сформулированы основные положения, выносимые на защиту. Выявляется теоретическая и практическая значимость исследования. Изложены результаты апробации работы и ее структура.

В первой главе «Теоретико-методологические подходы к исследованию политизации ислама» анализируются существующие подходы к исследованию феномена политизации религии. На основе существующих в политической науке методик формулируется методологический аппарат сравнительного анализа исследований политизации религии, а также выявляются особенности и причины возникновения такой религиозно-политической идеологии, как исламизм.

В первом параграфе первой главы «Политизация религии: теоретические предпосылки анализа» решаются задачи определения содержания понятия «политизация религии» и формирования классификации моделей политизации религии. В данном разделе проводится исследование существующих подходов к осмыслению политической сферы социальной жизни, а также анализируются существующие теоретические концепции относительно религии и ее роли в социально-политической жизни общества. Дается обзор существующих классификаций религиозно-политических идеологий.

На основе анализа теоретических концепций К. Шмитта, М. Хоркхаймера, Х. Арндт и Ш. Муфф, С. Патрушева и М. Данилова в работе

предложено авторское видение категории «политическое». Под политическим предлагается понимать пространство общественного антагонизма, в рамках которого проявляются общественные проблемы и конституируются социальные расколы. Политизация же выступает процессом фиксации того или иного явления в этом пространстве, в ходе поиска общественного консенсуса между расколовшимися по поводу этого явления группами. Та или иная проблема, то или иное событие становится политическим в той мере, в которой оказывается общественно-значимым, публичным, раскалывает социум на соперничающие группы и требует единого для сообщества решения

В качестве базового подхода по отношению к понятию «религия» в диссертационном исследовании используется подход интерпретативной антропологии Клиффорда Гирца, согласно которому религия воспринимается как система символов, которая способствует возникновению у людей сильных, всеобъемлющих и устойчивых настроений и мотиваций, формируя представления об общем порядке бытия и придавая этим представлениям ореол действительности таким образом, что эти настроения и мотивации кажутся единственно реальными.

В параграфе также анализируются концепции взаимодействия религии и политики, а именно теория секуляризации, теория религиозной экономики, теория десекуляризации и постсекулярности. Сделаны выводы о возможности использования данных подходов при изучении процессов политизации религии, и ислама в частности.

В данном разделе автором предлагается классификация моделей политизации религии. Проводится разделение между акторной политизацией, возникающей вследствие целенаправленной деятельности заинтересованных субъектов и спонтанной политизацией, которая происходит в качестве реакции на то или иное случайно возникшее, но общественно-значимое событие. В рамках акторной политизации также можно говорить о существовании двух классов явлений, разнящихся на основе характеристик политизирующего субъекта: «политизации сверху», которая реализуется представителями политической элиты, статусными акторами, и «политизации снизу», происходящей по запросу не политиков, непосредственно включенных в процесс принятия решений, а различных социальных групп и их лидеров, не обладающих властным ресурсом.

Далее в параграфе проводится анализ феномена религиозно-политической идеологии. Религиозно-политическая идеология рассматривается как продукт интенсивной политизации религии, в ходе которого возникает комплекс идей, направленных на формирование политической практики, исходящей из религиозных представлений авторов идеологии.

Во втором параграфе первой главы «Методологические основания исследования политизации религии» решается задача разработки механизма сравнительного анализа моделей политизации религии, выявления

областей проявления этой политизации и формирования на основе сделанных выводов соответствующих шкал индикаторов.

Диссертантом предложено рассматривать политизацию религии, в качестве феномена, проявляющегося непосредственно в трех разных формах: в виде религиозных размежеваний и конфликтов, в дискурсивных практиках политических лидеров и в виде институционального взаимодействия религиозных организаций и органов власти. Полноценный сравнительный анализ должен включать в себя исследование всех трех форм проявления политизации религии. Это в свою очередь задаст используемые в рамках такого анализа методы работы с эмпирическим материалом.

Для выявления степени политизации религии через религиозные размежевания необходим конфликтологический анализ с выявлением сторон религиозных конфликтов и оценкой их интенсивности и степени эскалации. Таким образом, по степени эскалации были выделены следующие типы политизации религии через религиозные размежевания: существование религиозной оппозиции, публичный конфликт, несистематическое использование насилия, систематическое использование насилия, гражданская война.

В качестве теоретической базы для анализа дискурсивных практик политических лидеров Чечни и Дагестана были использованы критический дискурс-анализ Н. Фэркло и теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф. В качестве метода работы с эмпирическим материалом в рамках этого проявления политизации религии был выбран дискурс-анализ политических текстов. Бала разработана шкала политизации религии в дискурсивных практиках: практика нейтральности, практика высказывания, практика поддержки, практика религиозной легитимации и практика пророческого дискурса.

В данном разделе также освещены теоретические и методические предпосылки исследования политизации религии в сфере взаимодействия религиозных организаций и органов власти. В качестве основы была выбрана теория государственно-конфессиональных отношений, проанализированы такие концепты, как «светскость государства» и «свобода вероисповедания». Был проведен анализ существующих типологий государственно-конфессиональных отношений, в частности работ М. Момена, К. Дурэма, С. Джораевой, М. Одинцова и А. Григоренко. Данный анализ позволил диссертанту разработать свою собственную шкалу для измерения степени интенсивности взаимодействия религиозных организация и государства по нарастающей: плюралистическая модель, слабая интеграция, сильная интеграция, государственная религия и теократия. Непосредственные методы сбора эмпирического материала – анализ нормативно-правовых документов и экспертное интервью.

Вышеописанный аналитический механизм подразумевает использование сразу нескольких методов: конфликтологического анализа, дискурс-анализа, анализа нормативных документов и экспертное интервью.

Собранная информация позволит вывить особенности политизации ислама в Дагестане и Чечне по трем основаниям: степень эскалации конфликта, политизации религии в дискурсе политических лидеров (далее – «политизация через дискурс») и уровень институционального взаимодействия между религиозными организациями и государством. На каждой из шкал минимальная позиция политизации ассоциирована с «1», а максимальная с «5».

Важно сказать несколько слов о механизме отображения полученной информации. На основе данных шкал (конфликт, политизация через дискурс и институциональное взаимодействие) на плоскости формируется график, в котором каждая из осей-шкал расположены друг ко другу под углом в 120 градусов так, что точки соответствующие одинаковым положениям на осях образуют равнобедренный треугольник. На этих осях проецируются присвоенные исследуемому кейсу политизации значения, в результате образуется треугольник, вершины которого будут соответствовать показателям политизации религии в трех изучаемых аспектах. При наложении таких графиков (треугольники) друг на друга (в данном случае эти треугольники будут соответствовать Чечне и Дагестану), появится возможность сравнить их как с точки зрения каждой из отдельно взятых осей (размежевания, политизация через дискурсивные практики и институциональное взаимодействие), и в целом – по площади, занимаемой треугольниками на общем графике.

В третьем параграфе первой главы «Религиозно-политическая идеология ислама: проблема дефиниции понятия» анализируются существующие научные категории, применяемые для исследования политизации ислама. В данном разделе диссертационного исследования решается задача выявления сущностных черт и закономерностей развития исламской религиозно-политической идеологии, а также формулировки подходов к её исследованию.

Среди используемых учеными понятий, описывающих сформировавшуюся в рамках ислама религиозно-политическую идеологию, наиболее распространенными оказываются такие как: исламский фундаментализм, салафизм, ваххабизм, исламский радикализм и исламизм (политический ислам). Путем анализа содержания, вкладываемого различными авторами в данные категории, для целей исследования диссертантом было выбрано в качестве базового понятие «исламизм». При этом в работе разделяется позиция А. Игнатенко, который подразумевает под исламизмом идеологию и практическую деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами, будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате. При этом сам исламизм, по мнению диссертанта, не является отдельным от исламской среды феноменом, и рассматривать его вне религиозного контекста

представляется методологически непродуктивным. Идеология исламизма возникла на основе т.н. салафитского течения в исламе, которое начало формироваться почти сразу с момента возникновения ислама.

Салафитское течение в исламе к началу XX века сформировало религиозную среду, достаточно политизированную для того, чтобы появилась на свет исламская религиозно-политическая идеология, и организации, которые взяли бы эту идеологию на вооружение. Исламизм возник в обстановке крупных исторических потрясений в мусульманской среде, связанных с распадом Османской империи, крушением, объединяющего всех мусульман исламского халифата и повышающимся колониальным давлением европейских держав.

Характеризуя исламизм, как религиозно-политическую идеологию, можно выделить пять базовых для него постулатов:

- исламизм призывает к восстановлению первоначальных исламских ценностей.
- исламизм предлагает идеальный вариант устройства общества и государства, основанных на законах шариата.
- в исламизме культивируются различного рода страхи, ограничения перед использованием неисламского, зарубежного опыта.
- он не связан с полным отторжением современных демократических институтов, но подвергает их собственной трактовке.
- в исламизме одной из ключевых является идея джихада, в том числе и трактуемой в качестве вооруженной борьбы против неверных.

Во второй главе диссертационного исследования «**Политизация ислама в Чечне и Дагестане: анализ характерных моделей**» на основе теоретических положений высказанных в первой главе, а также разработанной в параграфе 1.2 методологии производится сравнительный анализ политизации ислама в Чеченской Республике и Республике Дагестан.

В первом параграфе второй главы «**Ислам в дискурсивных практиках глав Чеченской Республики и Республики Дагестан: Рамзан Кадыров и Рамазан Абдулатипов**» решается задача проведения сравнительного исследования характерных черт политизации ислама в Чечне и Дагестане, в ее дискурс-аналитическом аспекте. В данном разделе произведен сравнительный анализ способов и уровня политизации ислама в дискурсивных практиках политических лидеров. В качестве объекта исследования были отобраны 10 текстов, за период с 2013 по 2015 гг., представляющие собой обращения или интервью глав Чеченской Республики и Республики Дагестан: Рамзана Кадырова и Рамазана Абдулатипова. Данные тексты анализируются в хронологическом порядке.

Процедура дискурс-анализа подразумевала проведение следующих действий:

- Выявление в тексте элементов свидетельствующих о том или ином отношении автора к исламу (как суфийскому, так и салафитскому)
- Выявление логических связей внутри пространства текста.

- Анализ используемых в тексте дискурсов (как оспариваемых, так и тех, в отношении которых автор пытается установить гегемонию).

- Выявление ключевых элементов используемых дискурсов.

В ходе проведения исследования были выделены следующие типы дискурсов, образующие дискурс-строй исламской проблематики на Северном Кавказе: светский, либеральный, религиозно-традиционалистский, исламистский, исламофобский, научный, силовой и конспирологический.

Сравнительный дискурс-анализ политизации религии дискурсивных практик лидеров Чеченской Республики и Республики Дагестан показал существование значимых различий в этих регионах. Рамазан Абдулатипов склонен обращаться к религиозно-традиционалистскому, научному и светскому дискурсам. При этом, он не использует исламскую риторику в своих выступлениях для непосредственной легитимации политического порядка и проводимой им политики. Рамазан Кадыров, напротив, использует ислам для легитимации своих действий, чаще и последовательнее выражая свою поддержку суфийскому исламу, воспринимаемому в качестве «традиционного». Основной корпус используемых им дискурсов сводится к религиозно-традиционалистскому, силовому и конспирологическому типам. Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать вывод о реализации разных моделей политизации ислама в сфере публичных дискурсивных практик республиканских политических лидеров.

Во втором параграфе второй главы «Религиозно-политический конфликт: модели эскалации в Дагестане и Чеченской Республике» решается задача проведения сравнительного исследования характерных черт политизации ислама в Чечне и Дагестане, в ее конфликтологическом измерении. В данном разделе работы анализируются сформировавшиеся в 1990-е годы религиозные размежевания, усугубление которых привело к формированию в исследуемых республиках религиозно-политического конфликта.

После распада Советского Союза в Чечне и Дагестане начался процесс интенсивного религиозного возрождения, который сопровождался ростом конфликтности между 2-мя внутриисламскими течениями – суфизмом и салафизмом. Для этих регионов традиционной формой ислама стал суфизм, в Дагестане распространения получили такие направления суфизма, как Накшбандийя, Шазилийя и Кадирийя. В Чеченскую Республику суфизм проник из Дагестана в виде тариката Накшбандийя. Позднее в Чечне возник тарикат Кадирийя.

Салафизм стал активным игроком на религиозном рынке лишь после распада СССР, и был внутренне неоднороден. Так, в Дагестане можно выделить три направления внутри салафизма: ультрарадикальное (малочисленные общины с центром за пределами республики в г. Астрахань), радикальное (под руководством салафита Багаутдина Кебедова) и умеренное (под руководством Ахмада Актаева). После смерти лидера умеренных салафитов, его община стала переходить на сторону радикалов. В Чеченской

Республике салафиты были изначально настроены радикально, что было связано с чеченским сепаратизмом и попыткой салафитов повлиять на политику республиканских властей с целью исламизации Чечни. Салафиты из Дагестана и Чечни поддерживали друг с другом контакты, часть дагестанских салафитов принимала участие в период первой чеченской компании на стороне сепаратистов, а чеченские салафиты в свою очередь в 1998 г. совершили вторжение в Республику Дагестан, с целью установления на его территории исламского правления. Таким образом, можно говорить, что салафитско-суфийские конфликты в обеих республиках являются частью одной конфликтной ситуации.

После поражения сепаратистов в Чечне возник феномен, именуемый специалистами «растеканием джихада»: произошло формирование сети террористического исламистского подполья на территории СКФО, которое объявило о создании «Имарата Кавказ». Таким образом, с окончанием войны против сепаратизма в Чечне, внутрисалафитский конфликт не был закончен. Во второй половине 1990-х годов государство выступило на стороне суфийских тарикатов, вмешавшись в религиозный конфликт, поскольку он стал приобретать насильственный характер. Однако, тем самым часть умеренных салафитов оказалась за пределами легального поля, и вынуждена была солидаризоваться с радикальным крылом салафитов.

В настоящий момент положение продолжает оставаться неблагоприятным, однако возникла относительно устойчивая тенденция сокращения числа терактов и насильственной активности радикальных исламистов в целом. Это связано с миграцией значительного числа салафитов за пределы России, и прежде всего в Сирию: воевать на стороне «Исламского государства» (запрещенной в Российской Федерации террористической организации). Конфликтологический анализ, проведенный в данном параграфе, позволяет классифицировать ситуацию в качестве конфликта с систематическим применением насилия.

Третий параграф второй главы «Институциональные основы взаимодействия религии и политики в Чечне и Дагестане» посвящен решению задачи проведения сравнительного исследования характерных черт политизации ислама в Чечне и Дагестане, в сфере взаимодействия религиозных организаций (Духовных управлений мусульман) и органов власти.

Анализ форм, которые принимает такое взаимодействие в исследуемых республиках, подразумевает исследование сразу нескольких уровней институциональных практик: федеральных норм, региональной законодательной базы и административных практик, неформальных практик взаимодействия Духовных управлений мусульман и органов власти.

Конституция Российской Федерации и Федеральный закон «О свободе совести и религиозных организациях» № 125 от 26 сентября 1997 г., являются основной законодательной базой, регулирующей взаимодействие религиозных организаций и государства в России. Данные правовые

документы утверждают принцип светскости российского государства, а также свободу вероисповедания на его территории. Однако вместе с тем, в федеральном законе «О свободе совести и религиозных организациях» конституируется определенное разделение: религиозные сообщества делятся на религиозные группы и организации. Религиозные организации в свою очередь дифференцированы на «традиционные», под которыми подразумеваются православие, ислам, иудаизм и буддизм, и организации не обладающие таким статусом.

На уровне регионального законодательства существует ряд спорных кейсов: Конституции Дагестана и Чеченской Республики гарантируют светскость государства и свободу вероисповедания, однако существует ряд правовых актов дающих возможность усомниться в соответствии существующих практик формальным требованиям закона. Так в Дагестане был принят региональный закон от 16.01.98 № 5 «О свободе совести, свободе вероисповедования и религиозных организациях», в котором допускается создание лишь одной религиозной организации для одного и того же вероисповедания, а также запрещается создание религиозных организаций на этнической основе. Кроме того в этой республике также был принят закон №15 от 22 сентября 1999 года «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан», в которой ваххабизм (или салафизм) объявляется экстремистским течением.

В Чеченской Республике при Администрации Главы существует профильный департамент по связям с религиозными организациями. Среди функций этого органа власти, прописанных в Положении о департаменте по связям с религиозными и общественными организациями Администрации Главы и Правительства Чеченской Республики, существуют также и такие как: пропаганда религиозных ценностей, осуществление деятельности по духовно-нравственному возрождению общества, и «освещение объективных фактов происхождения и деятельности такого религиозного течения как ваххабизм». Существование таких органов власти обусловлено спецификой постконфликтного развития Чеченской Республики, однако это не может отменить того факта, что оно нарушает принцип светскости государства.

На уровне неформальных практик взаимодействия, исследуемом с помощью экспертного интервьюирования представителей Духовного управления мусульман Чечни и Комитета по свободе совести и взаимодействию с религиозными организациями Республики Дагестан, удалось выявить существенные различия. В Чеченской Республике распространено существование консультативных советов с участием религиозных лидеров (Духовное управление мусульман), представителей правоохранительных органов, а также администрации. Подобные советы функционируют на региональном и локальном уровне. В Республике Дагестан институциональное взаимодействие органов власти и Духовного управления мусульман более формализовано и производится в рамках реализации тех или иных государственных программ.

В Чечне существует устойчивое сильное взаимодействие Духовного управления мусульман Чечни и органов власти, при явном доминировании со стороны государства. В Дагестане реализуется модель политизации ислама снизу, при которой политические элиты республики не заинтересованы в чрезмерной политизации ислама. Однако на уровне законов, а также формальных и неформальных практик зафиксировано взаимодействие государства и Духовного управления мусульман Дагестана, в котором государство часто играет на стороне Духовного управления, ограничивая возможности его конкурентов.

В заключении подведены основные итоги исследований, представлены результаты сравнительного анализа моделей политизации ислама в Чечне и Дагестане, сделаны выводы относительно дальнейших способов разработки научной проблемы и даны рекомендации по снижению конфликтогенного потенциала политизации ислама в исследуемых республиках.

В Республике Дагестан, органы республиканской власти действительно не выступают ключевыми акторами политизации ислама, и ислам политизируется органами власти инструментально, для сохранения сложившегося порядка. Вмешавшись в религиозный конфликт между салафитами и суфиями на стороне последних, органы власти внесли свой вклад не только в развитие конфликта, но и в процесс политизации ислама, однако как уже было сказано – политизация с их стороны носит реактивный характер, являясь ответом на запросы общественных групп, и существующие в республике вызовы со стороны салафитов-исламистов. Можно сказать, что в Дагестане реализуется модель политизации ислама «снизу». Существуют лишь ситуативные попытки некоторых лидеров использовать «исламскую карту» в своих интересах, однако для дагестанского политического класса в целом – это нехарактерно. В Чеченской Республике напротив, ислам выступает непосредственным легитимирующим ресурсом власти, и последовательно укореняется в социальных практиках и институтах, что позволяет говорить о несомненности реализации модели политизации ислама сверху.

В данном разделе также сформулированы следующие рекомендации по снижению конфликтогенного процесса политизации религии в исследуемых республиках:

1. Систематизировать существующее федеральное законодательство в сфере взаимоотношений между государством и религиозными организациями, выбрав в качестве приоритетной либо сепарационную, либо кооперационную модель государственно-конфессиональных отношений, так или иначе сохраняя принципы светскости государства и гарантируя права на свободу мысли, слова и совести.

2. Привести региональное законодательство исследованных республик в соответствие с федеральными нормами и стандартами, в частности способствуя отмене закона №15 22 сентября 1999 года «О запрете

ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан».

3. В виду необходимости борьбы с полиюридизмом (конкурентным существованием как формальных юридических законов, так и альтернативных религиозных и традиционных правовых систем) существующим в обеих республиках, который на взгляд диссертанта подрывает конституционные основы Российской Федерации, необходима интенсификация усилий по приведению неформальных практик взаимодействия власти и религиозных организаций в соответствие с формальными правилами, прописанными в Конституциях Чечни и Дагестана, а также в федеральном законодательстве.

4. В целях борьбы с радикальными исламистскими группировками, которые являются самой интенсивно политизирующей ислам группой, необходимо активизировать усилия по идеологическому противодействию, параллельно с силовыми мерами. Однако, на взгляд диссертанта, необходимо учитывать тот факт, что идеологическое противодействие и профилактика экстремизма отличаются от феномена пропаганды конкретных религиозных ценностей. Привлечение к этому противодействию религиозных лидеров суфийского ислама дает свои плоды в деле борьбы с экстремизмом, однако при этом способствует исламизации политической сферы регионов.

5. Сложившийся на Северном Кавказе спрос на радикальный исламизм базируется в том числе на низком уровне способности светских властей обеспечить достойное существование граждан России на вверенной им территории. В связи с этим, идеологическое противостояние, основанное на общественном консенсусе на светски трактуемых правах и свободах человека и гражданина, гарантированных Конституцией России, и признании значимости религиозных ценностей будет эффективным тогда, когда будет порождать положительно оцениваемый населением социальный порядок, соответствующий его представлениям о справедливости.

6. Вместе с тем, необходимо отдавать отчет, что проблема заключается не в самой по себе бедности или коррупционных практиках, а в порождаемой ими социальной депривации, сочетающейся с отсутствием политико-идеологического оправдания существующего положения. Ценности, доминирующие в рассматриваемых регионах приходят в конфликт с наличной реальностью, и исламизм находит в этом мировоззренческом конфликте удобную почву для своего развития. Идеологическое противостояние (о котором было сказано выше), должно сопровождаться повышением качества и эффективности существующих формальных политических институтов, а также преодолению конфликта между традиционными ценностями и модернизирующимся укладом политической и социальной жизни индивидов.

7. Необходимо продолжать усилия по налаживанию диалога между последователями суфийских тарикатов и салафитами, поскольку это будет

способствовать тому, что все большее число последних будут оставаться на умеренных позициях, а значит, не присоединятся к вооруженным террористам.

8. При разработке стратегии противодействия радикальному исламу на Северном Кавказе, необходимо учитывать перемены идеологического настроения среди исламистов, и прежде всего – появление «Исламского государства», активно вербующего своих сторонников на Северном Кавказе. Важно иметь в виду сращивание «Имарата Кавказ» с «Исламским государством», а значит необходимо работать на опережение: максимально полно освещать противозаконную и антигуманную деятельность данного террористического образования.

Основные положения диссертационного исследования изложены в следующих публикациях общим объемом 5 п.л.

Статьи в Ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Юрченко В.М. Лебедев В.С. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: на материалах Республики Дагестан // Вестник Российской нации. 2013. № 3-4. С. 162-172. (0,8 п.л.).
2. Халилова А.С., Лебедев В.С. Исламский фактор в политических конфликтах на Северном Кавказе: Дагестан и Чечня в 1991-1999 гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 243-246. (0,6 п.л.).
3. Лебедев В.С. Институциональные основы политизации ислама в Чечне и Дагестане // Политика и общество. 2015. №8. С. 1088-1092. (0,5 п.л.).
4. Осмаев А.Д., Халилова А.С., Лебедев В.С., Лысенко Ю.М., Гебеков Г.Ф. Тенденции и закономерности в формировании нового политического устройства в Абхазии, Адыгее, Дагестане и Чечне в 1989-2000 годах: историко-правовой анализ // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2015. №57. С.84-91 (0,5 п.л.)

Научные публикации в других изданиях:

5. Amina S. Khalilova, Julia M. Lysenko, Gebek F. Gebekov, Abbaz D. Osmaev, Victor S. Lebedev, Astanda S. Khashba. The general features and particular characteristics of the political development of Abkhazia, Adygea, Dagestan and Chechnya in 1989-2000 // Mediterranean Journal of Social Sciences . 2015. Vol. 6, No. 6 S7. P. 123-128. (0,5 п.л.)

6. Лебедев В.С., Исламизм: дефиниция понятия // Сборник материалов III Южно-Российского политологического конвента. - Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2012. С. 119-121. (0,2 п.л.).
7. Лебедев В.С. Исламизация и социально-политическое развитие юга России // Материалы региональной научно-практической конференции молодых ученых «Развитие социально-культурной сферы юга России». Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. С. 42-44. (0,2 п.л.).
8. Лебедев В.С. Внутриисламский конфликт в Республике Дагестан: перспективы диалога // Тезисы докладов IX ежегодной научной конференции студентов и аспирантов базовых кафедр Южного научного центра РАН. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2013. С. 337-338. (0,1 п.л.).
9. Лебедев В.С. Радикализация ислама в контексте кризиса российской религиозной политики // Сборник материалов IV Южно-Российского политологического конвента. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2013. С. 102-105. (0,3 п.л.).
10. Лебедев В.С. Политизация ислама в современной России // Человек. Сообщество. Управление. 2013. Специальный выпуск «Управление»: взгляд молодого исследователя. С. 9-12. (0,3 п.л.).
11. Лебедев В.С. Политизация религии: размышляя о теоретических аспектах // Сборник трудов слушателей второй политологической школы «Каспий». Махачкала: Лотос, 2014. С. 162-170. (0,6 п.л.).
12. Лебедев В.С., Ислам в религиозно-политических конфликтах на Северном Кавказе: форма или содержание? // Конфликтология XXI века: пути и средства укрепления мира: материалы II Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 418-420. (0,2 п.л.).
13. Лебедев В.С. Религиозные ценности и политические ориентации исламских регионов Юга России: кейс республики Дагестан // Развитие социально-культурной сферы Юга России: материалы региональной научно-практической конференции молодых ученых. Краснодар: Просвещение-Юг, 2015. С. 49-51. (0,2 п.л.).

Автореферат

ЛЕБЕДЕВ ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ПОЛИТИЗАЦИИ ИСЛАМА
НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И РЕСПУБЛИКИ
ДАГЕСТАН**

Подписано в печать 04.04.2016 г. Формат 60x84¹/₁₆.

Бум. тип. № 1. Усл. печ. л. 1,6.

Тираж 100 экз. Заказ № 2548.1

Издательско-полиграфический центр

Кубанского государственного университета

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.